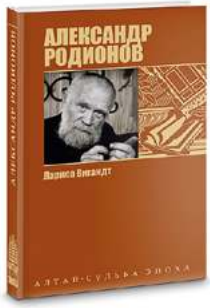

Вигандт Л. А.

АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ

Барнаул, Новосибирск, 2020

Есть книги, которые читать нелегко. Дело тут не в особенностях языка и стиля автора. Дело в материале, в особом эмоциональном подходе автора к его изложению. В отличие от масскультового книжного попкорна, такие работы требуют от читателя внутреннего душевного переживания, постоянного внимания к деталям сюжета, композиции, к образам, героям. Все сказанное надо помножить на два, когда такие книги — биографические и посвящены человеку, которого ты знал лично. Невольно соотносишь собственное восприятие «замечательного человека» с его образом, который запечатлен автором, и не всегда такое сопоставление лишено противоречия, мешающего сделать финальные штрихи к портрету выдающейся личности.

Новая книга в серии «Алтай. Судьба. Эпоха» об Александре Михайловиче Родионове стала, пожалуй, одной из самых ожидаемых книг 2020 года в регионе. И не столько потому, что работа над ней продолжалась долго, сколько потому, что имя Родионова для научной и творческой интеллигенции Алтайского края значимо, уход его из жизни случился не так давно, память о нем еще не успела покрыться патиной годов, живы и здравствуют многие люди, знавшие писателя лично. В такой ситуации автор книги — Лариса Вигандт — взяла на себя огромную ответственность биографа, создающего каноническое жизнеописание известного писателя, исследователя, общественного деятеля Алтая по меньшей мере на несколько десятилетий вперед. Время покажет, возникнет ли когда-нибудь необходимость нового взгляда на летопись жизни и творчества Александра Родионова. Но, так или иначе, книга Ларисы Вигандт на сегодня — первая и единственная биография А.М. Родионова, и она останется основой для биографических материалов разных жанров о писателе еще на долгие годы.

Перед автором стояло несколько непростых задач. Во-первых, отбор материала. Именно так: отбор, а не поиск. Конечно, и без поиска не обошлось. Встречи и общение с односельчанами и родственниками, однокашниками Родионова по ТПУ, работа с архивом газеты «За кадры», где была удивительная находка — фото, удостоверяющее, что будущий писатель еще в студенчестве овладел искусством резьбы по дереву (о скульптурном автопортрете А.М. Родионова см. с. 52), реконструкция истории с открытием Алтайского отделения Демидовского фонда — все это и многое другое именно Ларисой Вигандт было обнаружено, исследовано и впервые представлено в очищенном от лишних деталей виде читателям. Но все-таки еще при жизни Александра Михайловича были созданы его фонды в Государственном архиве Алтайского края, ГМИЛИКА, Рубцовском краеведческом музее, да и личный архив Родионова велик и разнороден. Тут была нужна кропотливая, вдумчивая работа по отбору материала для книги, объективно и компактно представляющего ключевые моменты жизни и творчества героя, по сути — вычленение в потоке событий его жизни значимых для биографического описания вех. Это большой труд, который нужно было кому-то сделать впервые, и который, без сомнения, станет фундаментом будущей систематизации и изучения творческого наследия А.М. Родионова. Автор книги о писателе смогла сложить мозаику его биографии. Читатель вполне ясно представляет жизнь и творческий путь А.М. Родионова.

Важно было определить и меру того, что следует сообщить публике. Ведь у автора был доступ к сугубо личным бумагам писателя, дневникам, письмам. Многие знали А.М. Родионова с определенного момента жизни, а то, что было до, в его прошлом, далеко не всем было известно. Сам Александр Михайлович синдрому вагонного попутчика не был подвержен. Не был тем, кто изливал душу и рассказывал о своей жизни людям, не входящим в самый близкий круг. Отдадим должное: Лариса Вигандт не обходит стороной неудобные моменты в жизни своего героя. Автор книги нашла достаточно деликатный способ рассказать и о непростой семейной истории Александра Михайловича (об отце, о взаимоотношениях писателя с женами), и о пагубном пристрастии к алкоголю, и об ершистом характере, не раз приводившем к эксцессам и конфликтам с коллегами по перу...

Живым литературный портрет известного человека делают детали. Вспоминается, как в 2012 году при подготовке к публикации в пятом томе антологии «Образ Алтая в русской литературе XIX-XX вв.» поэмы «Уймонская быль» («Агашевна») мне, как редактору тома, нужно было согласовать текст с А.М. Родионовым. Оказалось, что в разных вариантах текста поэмы имелись

расхождения. Вроде бы незначительные, но, как оказалось, важные для автора. Например, уже в первой строфе в журнальном варианте поэмы и варианте сборника использованы разные глаголы («знают/помнят») для создания образа природы Алтая:

Молодая и седая, словно лунь,
По теснине пенится Катунь.
Точно **знают** горы да река,
Как, когда бежал издалека
От царя и от церквей мужик
В земли, где живут алтай-кижи. <...>

Нужно было определиться, и решение здесь только за автором, пока он жив. В разговоре Александр Михайлович, несколько подумав, сказал: «Видишь, а правильно я все-таки тогда написал: «помнят»! Читаю сейчас книгу о свойствах воды. Так, оказывается, у воды есть память!» Потом подумал еще и добавил: «Но оставим «знают». Ведь знать — это и помнить и что-то еще большее. «Знают» — более точное слово!» Так поэма, спустя много лет, приобрела канонический, утвержденный автором вариант текста. Постоянное внимание к слову, его семантическому и экстралингвистическому наполнению, буквально проба слова на вкус, причем не только в литературной работе, но и в дневниках, письмах и даже в разговоре, беседе — характерная черта А.М. Родионова, важная характеристика его поведения, запомнившаяся многим деталь его портрета.

Никогда я не слышал от него безликих, канцелярских фраз касательно обращения с книгой. «Разломил пополам <книгу>» (а ведь как о каравае, хлебе!), «отогнул газетное крыло» (из заметки А.М. Родионова, которую цитирует автор на с. 271) и т.д. — только образно, поэтично, красиво мог он говорить о своих отношениях с Книгой.

О подобных моментах не раз упоминает в своей книге и Лариса Вигандт. По-читательски искренне благодарен автору за то, что она точно отразила подобные «штрихи к портрету» Александра Михайловича Родионова, которые врезались в память многим людям, знавшим писателя.

Давно замечено, что биография должна опираться на стержень легенды. Без биографического мифа, легенды жизнеописание выдающегося человека остается послужным списком или нарезкой цитат из воспоминаний современников. Лариса Вигандт такую легенду создает. Мифологический мотив странника, скитальца, образ дороги — красная нить, которой простегивает литературную биографию и творчество Родионова автор книги (см., например, с. 151 и далее). Да и другие образные сравнения-аллюзии, и даже прозвища, которые автор привлекает для характеристики своего героя: «Рыжий» (с. 49), «Колыванский Нестор» (с. 198), «Домовой» (с. 216) — тоже «штрихи к портрету», делающие его полихромным, динамичным.

Замечательным качеством Александра Михайловича, которое нашло отражение и в книге Ларисы Вигандт, была способность, чаще всего неосознанная, невольная, быть наставником и инициатором научных поисков (здесь особенно интересна история «Клуба любителей алтайской старины»). Он имел дар возжечь в окружающих эвристический огонь, который, как факел, вел потом энтузиастов по пути исследования какой-либо краеведческой/исторической темы. Так в свое время с подачи А.М. Родионова — с его статьи «Удостоен всесоюзного позора» — автор этой рецензии начал систематическое исследование биографии и научного наследия Дмитрия Юрьевича Кобякова, со временем оформившееся в целый ряд статей в литературных и научных, в том числе ваковских, изданиях. Изучение судеб горных инженеров, белогвардейского движения — это тоже, во-многом, его, родионовское.

На наш взгляд, автор излишне тенденциозен в главе «Свет и пепел» (с. 408-419), где фактически заявляет о заимствовании идеи и даже ряда сцен и образов романа А.М. Родионова «Князь-раб» в популярном романе Алексея Иванова «Тобол» (правда, на с. 417 автор использует термин «ремейк»). Тезис очень серьезный. Приводимый Ларисой Вигандт сравнительный анализ отрывков из текстов обоих романов, конечно, наталкивает на определенные предположения. Но вспомним, сколь долго и трудно до сих пор продолжается спор об авторстве «Тихого Дона». И ведь привлекаются самые авторитетные эксперты: лингвисты, литературоведы, историки, асы кибернетики... Не имея перед глазами черновиков «Тобола», всей текстологической истории работы над романом, утверждать его вторичный характер — слишком смело. Пожалуй, следовало бы ограничиться указанием

на такую возможность, не посвящая вопросу целой главы, институализирующей проблему и бросающей прямой вызов Алексею Иванову.

Есть в книге и досадные опечатки и ошибки, языковые и фактические, свидетельствующие не только о торопливости редакторской правки, но и о недосмотре корректора. На с. 53 упоминается трагически погибший одногруппник А.М. Родионова по ТПУ Гена Кузнецов, а на первой фотовкладке, в подписи к фото, он указан как Гена Иванов. На с. 146 автор обращается к рецензии на «Чистодеревщиков» «известного на Алтае журналиста Владимира Явинского». Но на Алтае известен Вадим Яковлевич Явинский (1931-2012) — тележурналист, многолетний корреспондент «Советской культуры», кстати, автор «знаменитой» статьи «А времена меняются», содержащей критику шукшинского фильма «Печки-лавочки» (Явинский В. А времена меняются... // Алтайская правда. — 1973. — 15 апреля). Почему-то несколько раз автор говорит о «Книге красных ремесел» (?!) А.М. Родионова (сс. 151, 254 и др.), окказионально и неожиданно философски звучит «в августе грянул делофт» (с. 349), крайне досадно встретить на с. 303 «власть предержащим» (в русском языке есть фразеологизмы «власть имущие» и «власти предержащие»)... Но это — как раз те мелкие недочеты, которые могут быть легко устранены при последующем переиздании. Приводим их лишь для облегчения автору работы по улучшению текста в будущем. Нет смысла подробно останавливаться на них, так как книга в целом получилась.

Не будет преувеличением, если назовем книгу «Александр Родионов» одной из главных в серии «АСЭ». Рекомендуем ее всем, кому дорога память об известном писателе, историке русских ремесел, общественном деятеле Алтая А.М. Родионове, всем, кто интересуется историей и культурой нашего региона.

Дмитрий Марьин

Кладова В.П.,
Скубневский В.А.

ВАСИЛИЙ ШТИЛЬКЕ: ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ

Барнаул,
2020

Еще одна книга 2020 года в серии «Алтай. Судьба. Эпоха» посвящена Василию Константиновичу Штильке (1850 – 1908) — известному общественному деятелю, публицисту, много сделавшему для развития Барнаула второй половины XIX — начала XX века. Напомню, что АКУНБ имени В.Я. Шишкова, название одной из улиц города в честь А.С. Пушкина, здания народных школ — Нагорной и Зайчанской, которые существуют и поныне, здание краевой филармонии (ранее — Народный дом) — это все прямое наследие и осязаемые результаты труда и забот, настоящего Гражданина, не пожалевшего сил для блага нашего города и являющегося одним из лучших примеров в истории России бескорыстного служения народу.

Интересно, что перед читателем первая книга в серии, написанная дуэтом. Дуэт, отметим, совершенно равноправен по составу. Оба автора — хорошо известные, признанные знатоки истории Барнаула, краеведы, не нуждающиеся в особом представлении. Имена заранее гарантируют достойный уровень подготовки издания.

Новая книга относится к числу не «пионерских» в серии. В 1999 году вышла работа В.Ф. Гришаева «Барнаульский печальник. Документальная повесть о В.К. Штильке», которая и взята за основу (на что указывают сами авторы в предисловии). Однако В.П. Кладова и В.А. Скубневский в своей книге значительно расширили биографический материал о Штильке касательно его деятельности в качестве публициста, гласного Барнаульской городской Думы и депутата Государственной Думы.

Есть и еще одно отличие нового тома серии от остальных. Авторами избран не хронологический принцип жизнеописания, а тематический. Собственно, curriculum vitae В.К. Штильке уместился целиком (15 страниц текста) во второй главе работы. Что делать: биографические данные о нем скудны и вряд ли в будущем расширятся. Укажем, впрочем, здесь на одну несуразность: дата рождения, как и принято, указана в начале главы, а вот дата смерти в ее финале отсутствует. Она как-то между делом всплывет только в шестой главе (с. 259), и то в контексте оценки продолжительности работы Штильке в качестве депутата Госдумы. Главы 3-6 посвящены отдельным сферам общественной деятельности В.К. Штильке: создание и фактическое руководство Обществом попечения о начальном образовании, публицистическая деятельность, работа в качестве гласного Барнаульской городской думы, а затем и депутата Государственной Думы. Каждая из глав, по сути, — отдельное самостоятельное исследование, которое завершается списком литературы по теме. Но поскольку

все эти аспекты имеют прямое отношение к жизни В.К. Штильке, то вписались они в композицию книги вполне гармонично.

К месту и краткий очерк о Барнауле, помещенный в первую главу. Конечно, для историка, краеведа он вряд ли даст что-то новое. Но, во-первых, тут дело в авторстве. Очерк за подписью профессора АлтГУ, доктора исторических наук Валерия Анатольевича Скубневского — это эталон исторической справки о Барнауле, притом с верифицированными датами, что делает его полезным и необходимым источником для исследовательских работ разного уровня, от школьной до научной, по историческому краеведению. Во-вторых, для читателей из других регионов, а серия «АСЭ» предполагает книжную и культурную экспансию вовне, сведения о Барнауле XIX — начала XX века будут весьма кстати и дадут необходимое представление о социальной и культурной среде и состоянии города, где так активно прошла жизнь и деятельность героя книги.

Энциклопедическую завершенность книге придают и обширный список трудов В.К. Штильке, и приложение, включающее тексты документов, газетных заметок, принадлежащих перу Василия Константиновича или имеющих к нему прямое отношение.

Книга получилась и в языковом, и в полиграфическом отношении строгой, информативной, политкорректной и по-своему изящной, как мундир чиновника Алтайского горного округа, цвет которого напоминает обложка, в которую одета книга.

Очередной том серии «АСЭ» станет хорошим источником информации для студентов, школьников и всех, кто интересуется историей Барнаула и Сибири XIX — начала XX века.

Дмитрий Марьин

Владимир Пасека

НОЧНЫЕ ДОЖДИ. Стихотворения разных лет

Барнаул, 2021

Стихотворения автора отмечены сильным влиянием Александра Блока, Сергея Есенина, Николая Клюева. Они представляют собой амальгаму индивидуальных стилей. Если бы их оценивал задиристый литературовед, он наверняка бы назвал свою статью «Во власти чужой интонации» или еще проще: «С чужого голоса». Иногда поэт воспроизводит привычные риторические фигуры любимых авторов.

Он смеётся, наивен и нежен,
И восторженный шепчет мотив...
Я повержен, разбит, обезврежен —
Чувство юной души ощутив!

(Владимир Пасека)

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утончённость мечты разлюбив.

(Александр Блок)

Косвенным признаком поэтической инерции становятся банальные, истертые, бедные рифмы («души — глуши», «чушь — глушь», «аллей — полей», «равнины — рябины», «бобры — костры», «небеса — глаза», «печи — речи», «могилы — силы», «лопухов — грехов»).

Создается впечатление, что писатель не ищет новых сюжетов. Образы кочуют из стихотворения в стихотворение. Стихи о деревне, о сельской куртуазной любви, могилках отца и матери, стариках и пращурах, деревенских недотепах, баянистах — вот джентльменский набор тем.

Благоразумие предостерегает поэта от чужеродных сюжетов. Он таит горе и боль, глубины прячет за фасадом литературной традиции. Подлинные черты живых людей в стихах Пасеки обрамляют пустоты литературных банальностей, взятые напрокат из песенной культуры.

Автор прекрасно знает, какие стихи заставляют плакать женщин и хмуриться мужчин, и воспроизводит образцы немудрящей эстетики жестокого романса. Вероятно, это и есть подлинная мудрость — писать так, как того требует аудитория.

Константин Гришин